

Мой отец, Черноскутов Петр Андреевич, родился в 1910 году, 10 июля, в петровки, как говорят в народе. Его родители, то есть мои бабушка и дедушка, жили в д. Баллинское Шадринского уезда, Челябинской губернии, вели единоличное хозяйство. В семье было еще трое детей — Прасковья, Антон и Мария. Все шло хорошо и своим чередом, пока не случилось несчастье, перевернувшее устоявшийся и размеренный быт семьи.

Крыльцо возле их дома было высокое, внизу лежала плита из камня. Хозяйка, отправляясь куда-то по своим делам, привычно взялась за кольцо на двери, чтобы ее прикрыть. Оно выдернулось, и женщина, не удержав равновесия, упала на плиту прямо головой...

Через некоторое время дедушка снова женился. Новую жену звали Акулина, вскоре она родила ребенка, которого назвали Федором. Ясно, что мой отец сразу же оказался на втором плане. Когда он подрос, вместе с младшими детьми пас птицу, полел в огороде, прибирал в доме и готовил пищу. Рано начал заниматься заготовкой дров. В то время лес, как и земля, был в частной собственности. Прямые и ровные деревья оставляли для строительства, а для рубки выбирали кривые и болезненные. Он их сваливал топором, очищал и рубил на полешки, которые складывал в поленицу. Домой ее вывозили зимой.

Когда началась первая мировая война, дедушку Андреяна отправили на фронт, где он попал в плен. После Октябрьской революции и заключения с немцами Брестского мира вернулся домой. Жизнь снова стала налаживаться.

Пришло время отцу жениться. Сосватали ему Веру из захиточного рода Акиловых, которая уже давно

заглядывалась на работающего, статного и русоголового парня, хоть и из небогатой семьи. Вскоре у них родился сын Николай. Но по какой-то неизвестной мне причине молодые вскоре разошлись. Другую жену он привез из соседней деревни Митькиной. Это была Валентина — черно-волосая певунья, с косой чуть ли не до пят, это и была моя будущая мать. У них с отцом сложился прекрасный дуэт, односельчане с большим удовольствием на разного рода вечеринках слушали их задушевное пение.

Друг за другом в семье родилось двое мальчиков, но оба вскоре умерли. Такое в те времена случалось довольно часто, особенно в летнее время. Во время страды и сенокоса за нянек оставались престарелые бабки и несмышленные ребятки. Грудных детей в основном кормили кипяченым коровьим молоком да нажванным хлебом. Никаких бутылочек не было. Брали и особым способом выделяли соску от коровьего вымени, протыкали в ней небольшое отверстие и одежали на небольшой коровий рог, в который потихоньку лили молоко. После кормления, соску опускали в оставшееся молоко, чтобы она не высохла. Никаких холодильников не было и в помине, молоко часто закисло, но его все равно продолжали давать малышам, после чего наступало расстройство желудка, а без медицинской помощи чаще всего следовала смерть. Большинство женщин относились к этому, как данному свыше, даже поговорка такая бывала — один заревется, новый заведется.

Родился в октябре 1940 года, назвали Федором. Отец в это время был на финской войне, после нее вернулся домой. Когда началась Великая Отечественная, его и других старослужащих призвали в числе первых, так как они уже были обстрелянные и понохавшие порохо. Ближе к осени моя мать со мной и Николаем, сыном отца от первого брака, который жил с нами, переехала в Митькину к своей матери Фекле Сергеевне — вместе было легче выживать в трудное время. Мне было 9 месяцев, когда взрослые ушли на работу, оставался под присмотром старшего брата, которому было всего 9 лет.

У бабушки с матерью было две коровы, обеих звали Морьками, от слова море, чтобы было больше молока.

Молока нам хватало, его часто кипятили на таганке — это чугунок, сразу вылитая на трех ножках. Ее ставили на шесток перед печью и разжигали мелкими щепочками и палочками небольшой костерок. От каждой коровы надо было сдать государству 300 литров молока и дополнить на жиры. Многие старались это сделать в зимнее время маслом, тогда оставались простокваша, творог и пахта, которую мы с братом очень любили. Муки было очень мало, в нее добавляли разные сушеные травы, вместе с кожурой сочили на терке картошку — хлеб получался вкусным и его было больше. Печку топчили только тогда, когда было нужно испечь хлеб, так как дров заготавливали мало. За время войны истопили крышу с конюшни, все заборы и даже ворота вместе со столбами. Спали на печи и на полатах. Зимой в доме жили телля и куры.

Весточки от отца приходили редко. Сам он был неграмотным, поэтому за него писали сослуживцы. Прислал несколько фотографий. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, под Великими Луками. Был трижды ранен, в последний раз при наведении очередной водной переправы ему пулеметной очередью перебило обе ноги ниже колен. После долгого лечения в госпиталях отца в марте 1945, когда до Победы оставалось чуть больше месяца, отправили домой. Он еще долго ходил с клюшкой, сначала только по дому, потом и по деревне. С фронта отец принес солдатскую пилюлю, котелок, немецкую губную гармошку и зажигалку. Пилотку отдал мне, чем я очень гордился.

Когда Петру Андреевичу стало легче, он пошел в правление колхоза, чтобы устроиться на посильную работу. Его назначили «качественником» — была в то время такая должность — проверять ход полевых и других работ. Отец в поездке по полям иногда брал меня.

Позднее он работал в кузнице молотобойцем. Было очень интересно смотреть, как от удара молота и молоточка кузнеца, кругом разлетались разноцветные искры. Часто мне доверяли поддерживать в горне огонь, качая рычагом меха, сделанные из кожи животных. Со временем отец изучил молотилку, которую в народе называли «сложкой», потому что не-

которые ее части действительно компактно складывались, чтобы агрегат было легче перевозить с места на место. В один из дней отец следил за ходом молотыбы и одновременно смазывал отдельные подшипники. В это время повалился приводной ремень и одним из концов сильно ударил его по руке, переломив ее ниже локтя.

Сразу же поехали в Балино за моим дедом, который был знатным на всю округу костоправом. Дедушка привез все необходимые материалы и приспособления, вместо наркоза заставил отца выпить водки. Затем он стал выправлять и ставить на место сломанные кости. Отец в это время был уже совершенно пьян, но все равно скрипел от боли зубами. Потом дедушка обмотал руку мягкой тканью и наложил лубки, предназначенные для подобного перелома, а поверх туго забинтовал. За всеми этими манипуляциями я, сильно переживая, смотрел с полетай и все хорошо запоминал. Рука быстро срослась и никогда не подводила даже на самых тяжелых работах.

Одно время отец возглавлял полеводческую бригаду. Под его руководством выращивали хорошие урожаи зерновых, картофеля и кормовых культур.

После молотилок на поля пришли комбайны, в том числе и самоходные. Отец, как хорошо знающего эти механизмы, всегда назначали помощником комбайнера, а в зимнее время он работал конюхом. Лошадей в то время поили и кормили даже ночью, ведь они были основной тягловой силой. Когда ему выпадало работать в ночь, он брал с собой меня, там я читал отцу «Голос колхозника». Он хоть и был неграмотным, но выписывал для нас «Пионерскую правду», а для себя — «Правду», которую мы читали ему вслух.

Колхоз постепенно поднимался, началось активное строительство, на которое отца назначили старшим. Тогда очень популярным был метод, который назывался шлакокаменным. В чем его суть? Сколачивались деревянные щиты и ставились на место будущего объекта. Затем делали козлы, трапы, емкости для замесов, носилки. Когда был готов раствор из шлака, воды, цемента и песка, им заливали установленную опалубку. Таким образом были построены склады, животноводческие

корпуса, столовая, гараж, конюшковка, водоканчка, клуб, медпункт и даже несколько жилых домов.

Колхоз закупил паровой двигатель с газогенератором для выработки электроэнергии, его топили дровами и углем. После запуска электростанции провели свет в животноводческие корпуса, в которых установили автопоилки и подвесные дорожки для удаления навоза, начали монтировать так называемую «елочку» для доения коров. Туда их пригоняли по очереди и подключали к аппаратам. Был смонтирован ветряной двигатель, при помощи которого качали воду и мололи муку. Отец стал работать слесарем по обслуживанию и наладке всех этих механизмов.

Стоит напомнить, что все это строилось и возводилось потомками созданной в нашей деревне коммуны «Магелия», потом она была перенесена в другое место, но главный костяк энтузиастов остался. Колхоз был очень богатым. Когда началось укрупнение и были вместе соединены Комарова, Митькина и Б-Касаргуль, он уплатил за них долги государству из своих доходов.

После выхода на пенсию отец еще десять лет работал — отапливал помещеня и качал воду для населения. Петр Андреевич всю жизнь очень активно участвовал в жизни колхоза, был бессменным членом правления и местным депутатом, членом исполкома сельского Совета, работал в группе народного контроля. Еще на фронте Черноскутов П. А. Вступил в партию. На партийных собраниях выступал, предлагая приемлемые советы по улучшению деятельности коллективного хозяйства. Отца много раз избирали делегатом районной и областной партийных конференций, был народным заседателем в суде.

В праздничные дни он надевал свои фронтовые медали «За отвагу», «За Победу над Германией», юбилейные, орден Отечественной войны, а также награду, полученную в мирное время — медаль «За освоение целинных и залежных земель». Умер Черноскутов Петр Андреевич в возрасте 82 лет.

Ф. ЧЕРНОСКУТОВ.
с. Ильинское.

НА СНИМКЕ: Черноскутов П. А.

Фото из семейного архива.

ЗАДАЧА СТОЯЛА ПРЯМАЯ - УНИЧТОЖИТЬ ПРОТИВНИКА

В год накануне 70-летия победы советских войск над фашизмом хотелось бы вспомнить тех, кто стоял у ее истоков и помогал закрепить конечный результат, добывая врагов и их прихвостней в послевоенные годы. В числе первых мы встретились с бывшим снайпером Григорием Федоровичем Мансуровым и попросили его рассказать о его боевых буднях.

- Я родился 20 января 1928 года. На службу призвался 1 февраля 1949 военкоматом города Катайск. С районом нас тогда ушло 19 человек, а с области — 600. Сейчас уж мало кто живой остался. По частям нас распределяли в Кургане. Я попал во внутренние войска, в часть № 3231 в Станиславской области. Штаб нашей дивизии находился в областном центре — Ивано-Франковске, а учебка — в Бурштыне.

После окончания подготовки все разъехались, а я остался стрелком при учебке. Через некоторое время ребята вернулись обратно в Бурштын, а через полтора года нас уже называли «бешеным батальоном». Мы в числе оперативников участвовали в операциях в Бессарабии и Карпатах. Нам одним из первых была выделена новая тогда машина — ГАЗ-51, чтобы сразу по первой команде могли собраться и выдвигаться на место. Так как располагались неподалеку от границы, тесно сотрудничали с разведкой, смершем и пограничниками.

В 50-м году нас поездом привезли на большой пограничный полигон возле реки Пруд. Там все хорошо говорили и понимали по-русски, за исключением тех, кто жил в самих Карпатах. Когда выучились говорить на их наречии, никто не верил, что мы из Сибири, считали местными. Мне очень понравилось, что вдоль берега росло много вишни, которую мы могли свободно есть. За нами прикрепили одно из сел, которое мы должны были очистить от бандеровцев. Мы проводили зачистки и выселяли семьи, в которых мужчины были старостами и полиция при фашистах, а женщины подкармливали врагов или оказывали им какую-либо помощь. Всех высленцев собирали в специальные машины, а пограничники их вывозили.

Сначала, когда мы только приехали в эти деревни, местное население относилось к нам хорошо: махали вслед машинам, подкармливали, а потом обзавиделись. Стали называть нас советами и москалями. Когда мы приближались к селам, возле них всегда дежурили мальчишки, которые завидели отряд, бежали и кричали: «Москали идут!»

Во время операции обычно жили в лесу в палатках или шалашах. Рубили лапник, на нем и спали, питались сухими пайками. Иногда приходилось так проводить по несколько недель. Отряд у нас был небольшой, обычно человек пять. Кроме того, обяза-

тельно сопровождал кто-нибудь из офицеров госбезопасности. На вооружении были автоматы и винтовки, у меня — снайперская винтовка. Бандеровцы были вооружены не хуже: у них имелись немецкие, польские и российские пулеметы, автоматы, винтовки.

Информацию о расположении врагов нам давала разведка, а у них в каждой деревне были свои осветомители. Для больших операций привлекали пограничников, делали оцепление, а на оперативных было не до этого. Задача стояла прямая — уничтожить противника.

Как-то раз в Карпатах мы совместными усилиями нескольких отрядов окружили большую площадь и устроили прочес, никого не выпускали, никого не выпускали. Мы точно знали, что там где-то есть схрон. Днем отряд прошел, все проверил, но ничего не нашел, а ночью враги попытались прорваться именно возле нашего участка. Пограничники оцепление держали, а мы приняли удар лоб в лоб. У бандеровцев откуда-то оказалась ракетница, заряд прошел прямо над мной. Я упал, даже голову поднять не мог, просто лег на спину и лежал, смотрел на вспышки, пока не оклемался. Было страшно. Когда их попытку к бегству отбили, только один оказался убитым.

Бандеровцами были и местные жители, записавшиеся в полицию, и недобитые немцы. Они прятались

в бункерах, схронах, на чердаках, в подполах хат, сараях. Мы искали и вскрывали их убежища. Живыми они сдавались редко, только те, кто боялись покончить с собой. Один мужик, когда понял, что окружен, сначала жену застрелил, потом сам застрелился. Некоторые под себя гранаты подкладывали, понимали, что им срок большой светит — 25 лет минимум.

Схроны они рыли прямо в земле — большие, глубокие, с несколькими комнатами. Зимой их было искать легче — вокруг отдушины нарастали сосульки, а летом в траве или лесу — сложно. Кроме того, местные жители этих бандеровцев подкармливали, а иногда и укрывали.

Работали мы в основном по ночам. Оперативники как-то передали информацию, что в одной из хат прячутся враги. В той операции сразу несколько наших ребят погибло. Хозяйка, отвлекая внимание, с ведрами по воду пошла, а хозяин, как нас завидел, попытался убежать, но его остановили. Хату и все пристройки окружили. Бандеровцы залегли в сарае в снопах. Мы сбегали за лестницей и полезли проверять, одного сразу щупом нашли, он там и помер, а второй открыл огонь из автомата, прыгнул в яму с навозом и попытался сбежать. Я прыгнул следом за ним и побегал за хату к пулеметчику. Кто-то кинул гранату, от нее сухое сено загорелось. Среди нас парень был, которого демобилизовали, ему до- мой надо было ехать на следующий день, но решил с нами идти. Он в числе первых ввязался в перестрелку с этим бандеровцем, несколько пуль попали ему живот и повредили

позвоночник. Мы быстро доставили парня в больницу, но спасти его не смогли, через 6 часов скончался. Тогда наш пулеметчик встал и, не прекращая огня, пошел на бандеровца. Мы пытались остановить, но не успели, он буквально изрешетил врага.

Много было у нас подобных операций, однако наград нам не давали. Говорили, что война кончилась, и поэтому не положено. Мы даже как-то Хрущева сопровождали в Карпатах, обеспечивали безопасность.

Со службы я уволен 31 декабря 1951 года. Работал на заводе, потом вышел на пенсию.

А. АЛЕШИНА.

НА СНИМКЕ: Г. Ф. Мансуров.

Фото автора.